

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№22 (207)
МАЙ 2024

БУЛЬВАРНЫЕ
НОВОСТИ

**ЮРИЙ ФИЛИМОНОВ
В ГОСТЯХ
У ЛЕОНИДА УТЁСОВА**

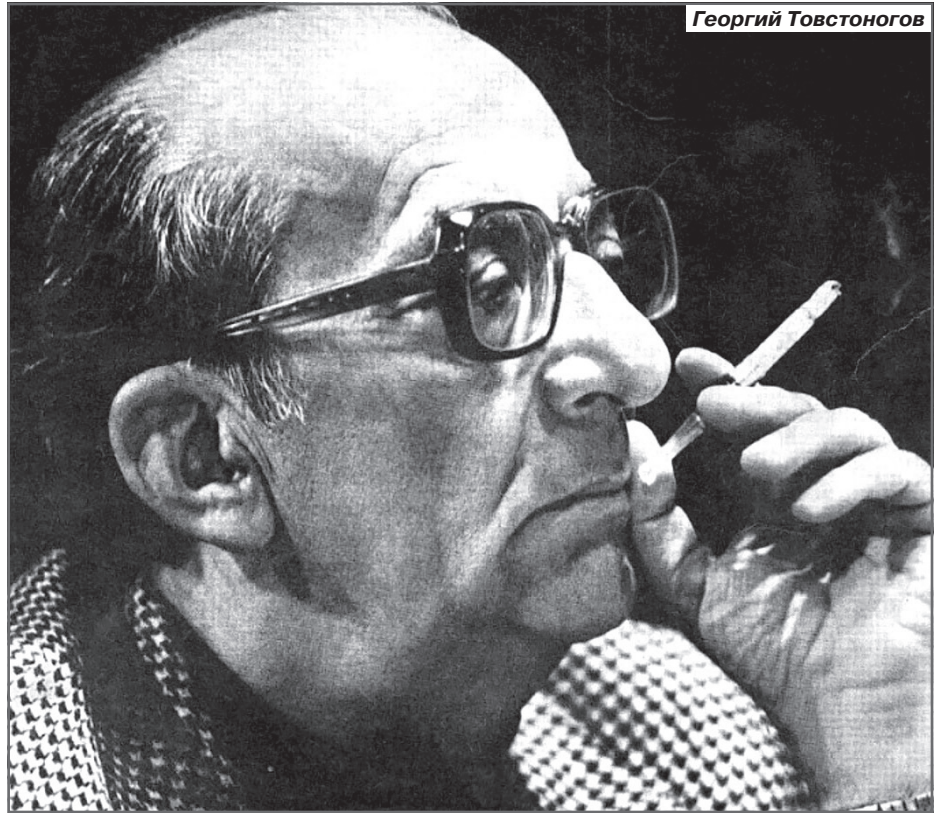

**ИЗ ПЛЕЯДЫ
ГЕНИЕВ**

СТР.14-17

Георгий Товстоногов

ИЗ ПЛЕЯДЫ ГЕНИЕВ

Геннадий Норд

Первый раз я вышел на профессиональную сцену в четырехлетнем возрасте. Главным режиссером Калининградского областного драматического театра был тогда Зиновий Яковлевич Корогодский.

Он не просто ставил спектакли, но и создал при театре студию,

Конечно, в силу возраста я не мог в ней учиться. Но начиная с пятнадцати лет, я играл в театре, который создал ученик Корогодского Анатолий Бронский.

У меня в активе к выпускному классу были главные роли в коростылевском «Короле Пиф-Пафе», светловских «Бранденбургских воротах».

Кроме этого я помогал ставить эти спектакли как второй режиссер.

Поэтому и мечтал о профессии режиссера. И поехал поступать в Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии.

В принципе, я сдал все экзамены по специальности. И после этого меня пригласил мастер Рубен Сергеевич Агамирзян:

- Ты замечательный молодой человек. Но у меня семьдесят заявлений, а всего пять мест. С тобой поступают режиссеры телевидения, театральные режиссеры. Им по тридцать пять-сорок лет, за плечами большой жизненный опыт, которого у тебя еще, к сожалению, нет. Не расстраивайся. Зиновий Яковлевич набирает актерскую группу. Иди к нему. Тем более, что экзамены ты уже сдал.

Конечно, я расстроился, но к Корогодскому поехал. Он меня выслушал и сказал:

- Поступай ко мне на актерский, а года через три переведешься на режиссуру.

Но я уперся и его не послушал. Правда, связи с Зиновием Яковлевичем не прерывал - посылал ему мои стихи и песни, иногда очерки и рассказы.

Зиновий Яковлевич Корогодский - человек, которого справедливо называют легендой и настоящей театральной эпохой. Человек, для которого вся его творческая жизнь была неотделима от трех начал, представляющих собой театр, педагогику и детство. Именно на этих ключевых базах держалась вся его профессиональная деятельность.

Юрий Каморный и Ольга Волкова, Антонина Шуранова и Сергей Дрейден, Александр Хочинский и Георгий Тараторкин - всех их - и можно назвать еще три сотни фамилий актёров - объединяет то, что они были учениками Зиновия Яковлевича Корогодского, ведь за полвека преподавания актёрского мастерства он выпустил более двух десятков классов.

Зиновий родился в 1926 году в Томске в большой семье. Как он сам вспоминал: - Семья была огромная - инженерная и ремесленная: сапожники, печники. К искусству никто отношения не имел, но все были одарены если не театральным даром, то буйным жизнелюбием, хотя я вырос печальным оптимистом.

Отца Зяма не помнил - тот ушёл из семьи, когда мальчик был совсем ребёнком, и увидел Корогодский его впервые, когда уже учился в театральном институте. А юной матери - она родила сына, когда ей не исполнилось и восемнадцати лет - было не до него, ей нужно было зарабатывать и обеспечивать семью. Поэтому воспитывала Зиновия бабушка.

В школу он пошёл в Томске, потом маму перевели в Прокопьевск, а ближе к получению им аттестата зрелости семья Корогодских переехала в Новосибирск.

Здесь его и застала Великая Отечественная война. Он учился в школе рабочей молодёжи, работал на патронном заводе, а свободное время часто проводил со студентами Ленинградского театрального института, который был в Новосибирске в эвакуации. И мечтал поступить в этот институт, но понимал, что задача эта для него невыполнимая - слишком мало было у него знаний, культуры, образования и, самое страшное, он жутко картавил. Поэтому, отложив мечту о театре, он стал осваивать моторостроение в авиационном техникуме.

Но всё-таки мечта его не оставляла. К моменту окончания им техникума театральный институт уже вернулся в Ленинград, но Корогодский отправил свои документы туда почтой. Правда, ответа не получил, но и это его не остановило. Корогодский поступил в также находящийся в эвакуации в Новосибирске другой ленинградский институт - точной механики и оптики - и вместе с ним приехал в Северную столицу. Другим способом тогда ему в Ленинград было не попасть. Он отучился семестр в этом институте, но практически всё своё время проводил в театральном на Моховой.

В ноябре друзья организовали ему встречу с Борисом Зоном, который вёл класс на режиссёрском факультете. Корогодский чем-то Зону понравился, и тот позволил ему ходить на занятия до зимней сессии, а по её итогам уже решать, что делать дальше.

Корогодский учился вместе с Оскаром Ремезом, Александром Белинским, Игорем Владимировым, ставшими потом известными театральными режиссёра-

ми. Корогодский рядом с ними порой комплексовал:

- Они знали Петербург, все музеи, даже музей Арктики. Я отличался от этой респектабельной, эрудированной и смелой компании. Но в итоге, как ни странно, я закончил институт, и даже успешно.

После окончания института в 1950 году Корогодский по распределению уехал в Калугу. Здесь он сразу же организовал при театре студию, где сам же и преподавал.

А через четыре года ему предложили возглавить драматический театр в Калининграде, и Корогодский в двадцать восемь лет стал самым молодым главрежем в стране. В Калининграде он продолжал преподавать - Корогодский и здесь организовал при театре студию. А почувствовав, что ему не хватает знаний в педагогике, он заочно окончил пединститут.

А в 1959-м его пригласил к себе в БДТ Георгий Товстоногов. Его не так давно назначили художественным руководителем этого театра, и он подбирал себе команду. Но Корогодский не очень долго проработал с Товстоноговым. И хотя это сотрудничество нравилось им обоим, когда осенью 1961 году умер главный режиссёр Театра юных зрителей Александр Брянцев, именно Товстоногов настоял на том, чтобы на эту должность был назначен Корогодский.

Театр только что переехал с Моховой в новое здание на Пионерской площади, которое спроектировали и построили специально для детского театра. Но переживал он далеко не лучшие времена. Корогодский рассказывал:

- Я просто понял основную проблему театра - он потерял старшего зрителя. Парадокс детского театра в том, что он должен иметь полный спектр зрите-

На репетиции

С Романом Виктюком

лей, а главный его зритель, как ни странно, - старший, потому что он может дать оценку, он может «вести» театр.

Постепенно театр стал одним из самых популярных в Ленинграде. Да что там - одним из самых известных в стране и уж точно лучшим детским театром. На его спектакли было невозможно достать билеты. И каждый из спектаклей становился событием в театральной жизни города. А многие спектакли и по сей день считаются легендами: «Коллеги» по повести Василия Аксёнова, «После казни прошу...» по пьесе калининградского писателя Вольфа Долгого, «Месс-Менд» Мариетты Шагинян, пушкинский «Борис Годунов» и другие. А какой там был актёрский состав: Александр Хочинский, Антонина Шуранова, Георгий Тараторкин, Александр Блок, Кира Крейлис-Петрова, Игорь Шибанов...

На каждом представлении ТЮЗа был аншлаг, а счастливицы, которым удалось взять входной билет, были несказанно рады приютиться на ступеньках. И каждый спектакль проходил как премьерный - овации зрителей порой не прекращались по пятнадцать-двадцать минут.

Зиновий Корогодский возглавлял ТЮЗ почти четверть века - с 1962-го по 1986 год. Им было поставлено около сотни спектаклей.

А в апреле 1986-го по Ленинграду поползли слухи. Эпоха гласности только-только наступала, газеты ещё не рисковали писать обо всём - да и получить им информацию, в общем-то, было неоткуда. Лишь просочилась информация, что главный режиссёр ТЮЗа находится под подпиской о невыезде, ведётся следствие, в самом театре прошёл обыск. Ректор Гуманитарного университета профсоюзов Александр Запесоцкий рассказывал:

- Созрела театральная интрига, которая была поддержана властью. Тогда властью был Обком партии. Им было дано поручение Комитету госбезопасности. И против Корогодского была инспирирована жуткая, омерзительная провокация, в результате которой в тюрьму Зиновий Яковлевич не попал, но был лишен всех званий, всех наград. Но самое главное, он был лишен своего детища, своего изумительного театрального дома, актёров, которые его любили, боготворили, и которым он помог достичь вершин театрального искусства.

Корогодскому было предъявлено обвинение по статье 121 Уголовного кодекса РСФСР - «Мужеложство». Якобы им был изнасилован рабочий сцены. Абсолютно бредовое обвинение, которое впоследствии было снято с него, но...

Двадцать шестого апреля 1986 года Корогодский был изгнан из театра. Символично, что именно в этот день взорвался Чернобыль. Двери ТЮЗа закрылись за Корогодским в этот день навсегда. И даже, когда хоронили его ученика - актёра Александра Хочинского, прощание с которым было организовано в двух театрах, где артист служил - в Театре сатиры и юных зрителей, то Корогодский, побывав на церемонии прощания в Театре

Борис Зон

сатиры, в ТЮЗ уже не зашёл. При этом гроб с телом Хочинского вынесли из автобуса, занесли в театр на Пионерской площади, а Зиновий Яковлевич остался в этом автобусе на все два часа, что шло прощание.

К слову, Александр Хочинский и Антонина Шуранова ушли тогда из ТЮЗа в знак протеста против травли режиссёра.

А потом был суд. Зиновию Корогодскому дали три года условно. Он был лишён всех своих званий, в частности, заслуженного артиста РСФСР, полученного им в 1969 году и народного артиста РСФСР. Олег Табаков сказал:

- Его жизнь не была простой. У него отняли и фактически разрушили его театр. Надо было обладать фанатизмом Корогодского, его верой, чтобы возродиться и продолжить дело своей жизни.

Да, позже потерпевший написал заявление, что ничего не было, и Корогодский смог через суд вернуть себе все звания и награды. Но сколько ушло на это душевных сил и времени... Несколько лет ему нельзя было вообще работать в театре. А самое главное - ему было запрещено преподавать.

Спасло то, что его сын Данила смог организовать поездку отца в Гонолулу - в Молодёжном театре этого города Корогодский поставил сказку Петра Ершова «Конёк-Горбунок», и, главное, именно в США ему пришла в голову идея Театра поколений.

Вернувшись в Россию, Корогодский основал в тогда ещё Ленинграде в 1990 году этот театр. Зиновий Яковлевич так объяснял название театра:

- В нём объединены поколения творческих сил: актёров, режиссёров, будущих актёров, людей, уже окончивших вуз. Разных лет выпусков. Есть и прежние мои ученики, которых я выпустил ещё до создания центра.

Он же стал и первым руководителем. А после его смерти Театр поколений, получивший имя Зиновия Яковлевича, возглавил Данила Корогодский.

В 1992 году Корогодский основал в Санкт-Петербургском Гуманитарном Университете Профсоюзов кафедру актёрского мастерства и режиссуры, где был заведующим, оставаясь на этой должности до конца жизни, и профессором.

Зиновий Яковлевич Корогодский умер 22 мая 2004 года в возрасте 77 лет. Он был похоронен в Комаровском некрополе.

Корогодский 25 лет возглавлял Ленинградский ТЮЗ, изменив все представления о детском театре. Он видел целью не «воспитание подрастающего поколения», а воспитывал эти поколения искусством театра: «забавляя, обучал». Ленинградский ТЮЗ стал лидером международного движения детских театров, во многом влиял на театральную культуру 1960-1970-х годов, собирав элитную публику в своем зале. Понятие «школа Корогодского» давно обрело самостоятельность. Ее ученики «обеспечены школой» на всю жизнь.

Корогодский беспощаден к себе, беспощаден к другим. Человек фантастической работоспособности, он успевает невероятно много: педагогика, театр, центр; его книга «Начало» посвящена первому году обучения актёров и режиссёров. Корогодский раскрывает в ней секреты своей театральной школы, наблюдения, опыт.

Предисловие к книге Олег Ефремов завершил так: «Он не устал трудиться, он не устал воспитывать новых актёров, он не разуверился в театре живого человека».

- Вы упорно повторяете: не хочу возвращаться к прошлому, думаю о будущем. И все же давайте вернемся к началу. Для нескольких поколений тюзовских зрителей, для ваших актёров и прямых учеников

Окончание на с. 16

С Булатом Окуджавой

С Роланом Быковым

Георгий Тараторкин в роли Петра Шмидта в спектакле «После казни прошу...»

Окончание. Начало на с. 15

вы были и остались Учителем. А как вы сами были в детстве, юности, в какой семье вы росли?

- Родился в Томске, потом жил в Новосибирске. Семья была огромная - инженерная и ремесленная: сапожники, печники. Мою страсть к театру воспринимали с удивлением - ведь я еще до школы организовывал представления. Обо всем этом я написал в книге «Эхо памяти». Это не мемуары в прямом смысле, а размышления о том, как прожитое отзывается эхом во всем, что человек делает. По существу, я рассказываю там не о себе, а о зрителе: ребенке, подростке, юноше. Жизнь каждого из нас разнится только обстоятельствами и колоритными оттенками, но корень, из которого произрастает ребенок, подросток, юноша, есть в каждом, и от того, на каких впечатлениях он воспитывался, зависит многое в его будущем. В книге я размышляю о себе через своего зрителя, которому был предан душой, через театр, охватывающий всю мою жизнь. То есть это биография, воплощенная в моем пристрастии к театру.

- А как вы пришли в театр? Как рано поняли, что театр - главное?

- Понял, наверное, с рождения - ничего другого и не помню. Увлечение театром началось сразу, с первых впечатлений, а ими были цирк, цыгане, базар и церковь. Все располагалось около нашего дома. Роскошный белокаменный Спасский собор был напротив. Я буквально вырос на его паперти. Он спасал меня от одиночества, которое я рано узнал. Я, конечно, не понимал ни смысла, ни содержания церковного ритуала, но он мне очень нравился. Если мама, возвращаясь с работы, не находила меня дома, значит, я был на вечерней службе. Она проталкивалась между прихожанами и вытаскивала меня почти с амвона перед самым причастием, а получить его всегда было моей мечтой. И только обещание сшить мне костюм, как у архимандрита, несколько утешало.

- Это же богохульство...

- Нет. Я неверующий человек, но и не атеист. Я с уважением отношусь к любой вере. Просто я не свободен от пристрастия ко всему, что связано с церковной службой, с ее ритуалом. Так что именно в этом безумном смешении Спасского собора, цирка Шапито, базара с невероятно декоративными цыганами, в шальной родне - мой театральный вирус, мое начало театра. Я очень благодарен детству и отрочеству. Ведь Томск - роскошный город: университетский, с дивной архитектурой. Сейчас моя благодарная память видит Томск какой-то театральной средой.

- Во что вы играли в детстве?

- В городки, бабки, набеги, стенка на стенку, улица на улицу. Я не был ни героем, ни победителем - слишком хлипок на фоне могучей родни, которая любовно обзывала меня «сураз» - от несуразный. Но когда я приезжал из института убедительным юношей, родные очень удивлялись: откуда что взялось. Они не понимали, что значит - режиссер, но понятие «артист» почиталось. Я даже

стал третейским судьей в семейных передрагах. Детство, отрочество и юность закалили меня, подготовили к борьбе, какой оказалась моя последующая жизнь. Мне помогал энтузиазм, в котором я вырос и который, надеюсь, сохранил.

- Как рано вы стали осознавать действительность?

- Пожалуй, в возрасте самого пристрастного отношения к жизни, в тринадцать-пятнадцать лет. При абсолютной незрелости социального чувства я начал ощущать странность окружающего: толстые газеты с бесконечными списками «врагов народа». Я не мог понять, откуда их так много. Их было жаль, нежелание взрослых говорить об этом усиливало непонимание и тревогу. Только в институте я стал понимать, что вся страна живет двойной, тройной слоеной жизнью.

Сегодня я без всяких следов ностальгии вспоминаю прошлое: то, что было разрушено оттепелью и перестройкой, повернуло меня к себе, отрезвило. Сейчас я всеми чувствами предан тому, чтобы жизнь менялась к лучшему. Несмотря на пережитые горести, взлеты и падения, мне сейчас легче, потому что я свободен. Долгие годы даже в театре я не был свободен, так как жил в постоянных тисках распорядителей моей судьбы, моего дела, которое я возглавлял воодушевленно и пристрастно. Но именно эти качества - воодушевление и пристрастность - делали меня «не вписывающимся». Я был «на подозрении», ходил в «антисоветчиках». У меня нет гневных чувств в адрес прошлого. Я оцениваю его с печалью, но боль моя не о прошлом, а о будущем: будем ли мы жить по-человечески, действительно свободно. Сегодня, освободившись от слежки, контроля и бесконечных вызовов «на ковер» к начальству, где указывали, каким должен быть театр, мы пришли к другой несвободе, которую вернее назвать вольницей: никто никому не указ, большинство ценностей разрушено или деформировано до «все на продажу».

По-настоящему страсть к искусству или к чему-то еще можно реализовать, если ты свободен. Свободен не от житейского расчета, который всегда с нами, а свободен внутренне.

Александр Хочинский

- Как вы поступили на курс великого театрального педагога Бориса Зона?

- Друзья устроили мне свидание с Зонам. Я пришел в телогрейке, пимах, шапке-ушанке, тощий, картавый и без всяких режиссерских разработок. Не знаю уж, какие Борис Вульфвич, при его-то взыскательности, обнаружил во мне достоинства. Он, конечно, был щедр, добр, но и очень строг. Строгость и требовательность я от него унаследовал, а доброту - от него, мамы и Сибири. Профессор наш разрешил походить на занятия до зимней сессии. Этюда я придумать не мог - был зажат, напряжен. Меня спасло любимое учителем экзаменационное упражнение: цирк. Там я вроде бы был убедителен в двух номерах - иллюзиониста и наездника.

- Между институтом и Тюзом вы ведь работали в провинции?

- Меня распределили очередным в Калугу, а потом в Калининград - в двадцать восемь лет я стал главным режиссером. В 1959 году Товстоногов пригласил меня в БДТ на постановку пьесы В. С. Розова «Неравный бой». Не считаю этот спектакль своей удачей по многим причинам. Тем не менее, Товстоногов продолжал относиться ко мне с доверием и поручил мне занятия в труппе по методу действенного анализа. Мои педагогические пристрастия определились очень давно - я даже окончил заочный педагогический институт, пока работал в Калининграде. В ТюЗе мой второй диплом пришелся весьма кстати. Но я был туда назначен только благодаря Георгию Александровичу. 23 февраля 1962 года, в день рождения театра, меня представили труппе, и я сразу попал в переделку.

Театр меня не хотел: «какой-то Зяма». Долгие годы я преодолевал подпольные и открытые баррикады против себя, хотя общее признание пришло быстро. Мой приход совпал с переездом театра с Моховой на Пионерскую площадь, в новое здание.

- ТюЗ ведь переживал тогда не лучшие свои дни. Вы как-то сразу все в нем перевернули и не просто возродили интерес к театру - он стал чуть ли не самым популярным в городе, причем для всех поколений. Как это

удалось? У вас была программа? Вы знали какой-то секрет?

- Я просто понял основную проблему театра - он потерял старшего зрителя. Первым своим спектаклем «Коллеги» по повести Василия Аксенова я вернул в театр старшекласников, вторым, «Олеко Дундич», - подростков. Это был верный тактический ход. Если театр не знает, кто у него в зале, он не может быть нужным. А детский театр в особенности обязан быть нужным. Вот так и начались двадцать пять успешных, трудных, горьких и счастливых лет в ТюЗе.

- Вы создали фундаментальную театральную школу. Ваших учеников легко отличить. Как вы собрали такую труппу индивидуальностей? Как воспитывали? Как удерживали, хотя многие и уходили?

- Главное - всем было интересно. Я про каждого постоянно думал и каждого возвращал, как цветок в горшочке, - с любовью, хотя и строго. Думал о возможностях их поворота, развития, движения. Они могли и не знать об этом. Я не один делал театр - мы все вместе его создавали. Театр - организм, его здоровье определяет полноценное функционирование всех органов. Мы вместе строили театр.

- И как вы себя определяете в этом контексте?

- Я - хозяин дома, который строит вся семья. Я отец. Когда они перестали строить, они перестали быть театром. Но это не их вина - так уж случилось. Успешный спектакль еще не признак успешного театра - организм должен быть здоров. У театра есть право на успех и неуспех, но есть и обязанность беречь здоровье. А уходят из театров ведь по разным причинам. У ТюЗов всегда есть некий оттенок второзначности, а актерам свойственно порываться в «большое» искусство. Да и всякие бывают обстоятельства - личные, семейные. Это неизбежно.

- О вашем руководстве театром было много толков. Стиль руководства называли жестким, диктаторским, деспотичным...

- Это эпитеты, крайние оценки. Знаю, про меня говорят: заносчив, замкнут, высокомерен. Но театр не может существовать с двумя главными режиссерами - нет такой модели. Должен быть один лидер, а рядом - люди, понимающие и принимающие свою содействующую роль. Это вполне демократично и гуманно. Наш театр вызывал зависть по климату, а определял его все-таки я. Климат был добросердечный, человеческий - иначе не возник бы ансамбль людей, преданных дому. Тиранство противопозапно руководителю театра. Нужна власть, строгость, требовательность. Я добрый человек. Я участвовал во всех судьбах, в проблемах каждого, всегда бросался на помощь, до сих пор в прекрасных отношениях с большинством из тех, с кем работал в ТюЗе.

- Что вы можете сказать о воспитании режиссеров? Ведь среди ваших учеников много не только актеров?

- Я не делю школу на актерскую и режиссерскую - это едино.

- В лучшие тюзовские годы жизнь там кипела. Параллельно с вами ставили спектакли Шифферс и Додин. В числе авторов были Окуджава, Рошцин, Петрушевская, Вампилов, Злотников, Слепакова, Погодин...

- У нас дебютировали больше двадцати драматургов. Каждого приходилось завлекать, прельщать театром, его аурой. Театр дышит или добрыми флюидами, или миазмами. В нашем было обаяние дома, команды, компании. Это позволяло «сворачивать» людей, и не помышлявших о драматургии, - даже Окуджаву. Если мы теряли драматургов, то по обстоятельствам не творческим, а политическим - сколько запрещали пьес, спектаклей... За благополучным фасадом театра скрывалась очень трудная жизнь. Меня все время вызывали в верха, говорили, что я «не туда веду театр». У этих начальников были сплошь совковские предрассудки о детском театре. Они полагали, что ТюЗ - театр только для детей, я же считал, что это театр семьи. Нельзя доставить удовольствие ребенку, отрывая его от взрослого: спектакль должен быть общим переживанием, общим впечатлением. Такая позиция вызывала

Почетный профессор

гнев и раздражение инстанций. Мне все время спускали «комиссаров» - дам-директоров, приближенных к Смольному. Если бы мы тогда оказались в нынешних безнадзорных условиях, сами за себя отвечали, мне кажется, мы многое могли бы сделать. Но бесконечные идеологические рекомендации ясно давали понять, что пришла пора менять рулевого. Меня обвинили в неверном, антисоветском курсе театра, в его гермитизации, изолированности от театральной общественности. Бред. В итоге была подстроена ситуация, из-за которой я потерял театр.

Результат? Погубили театр, погубили судьбы многих людей. Меня не погубили исключительно в силу моей сибирской закваски и счастливого характера. Похороны не состоялись, хотя было тяжело.

Сейчас многие пытаются делать вид, что ничего не было, все в порядке. Но поезд ушел. Я не помню зла, так как всегда склонен искать причину в себе. В беде действительно познаются друзья. Как изменился их круг... Я был среди шумного бала и вдруг оказался один на танцплощадке... Меня спасла Америка: я был приглашен ставить спектакль.

- У вас есть близкие друзья?

- Моя любовь - Анатолий Эфрос. Мы были в добрых, приятельских отношениях, общались семьями, наши сыновья дружат до сих пор. Хотя мы не были близки. Видимо, во мне есть что-то, что мешает закадычным, самозабвенным отношениям. Но я до сих пор дружу со многими тюзовцами, дружу с театральной молодежью, студентами, и они почтительно ко мне относятся. Это делает больше чести, чем дружба сверстников. Помню библейское: «Идущие за нами лучше нас».

- Что такое театр для вас?

- Театр - модель мира. В нем есть все, что свойственно человечеству. Он держится на раздавленных самолюбиях, укрощенных амбициях. Нужны огромные силы, чтобы подчинить себя кому-то, чтобы «мое» соединить с «нашим». Но счастлив тот, кому это удается.

А для меня театр - способ жизни. Я ни о чем другом не думаю, ничем не увлекаюсь, не имею хобби, засыпаю и просыпаюсь с мыслями о театре, это проявляется и в репетициях, и в том, что пишу, и в общении. Полагаю, впрочем, что такая односторонность меня не обедняет - существую совершенно наполненно. Наверное, живу в сравнительно замкнутом пространстве, многого не умею и, возможно, многого не знаю, но ведь театр - окно в мир. Через театр можно познать даже квантовую механику, а уж жизнь человеческого духа... Я много читаю - боюсь отстать. Всегда преследовал страх не успеть, потому жил нервно и торопливо - так до сих пор. Если пропущу какие-то книги, журналы, спектакли, могу отстать от студентов, от процесса. Может быть, это и генерирует меня, мое беспокойство и любопытство. Эта боязнь отстать - не комплекс неполноценности, не самоуничтожение, а стремление быть адекватным всему, чем наполнено время.

- Что такое театральный характер?

- Эпицентр творческой души, главное в театральной профессии. Иметь театральный характер - значит, уметь жить со всеми, не теряя себя. Уметь брать и давать. Быть благодарным и способным радоваться за другого. Театральный характер - зерно творческой личности. Сильный, крутой, агрессивный - не творческие, а бытовые черты, перенесенные в профессию.

Замечательно сказал Станиславский: «Научись думать о другом - другие будут думать о тебе».

Театральный характер предполагает парадоксальное сочетание воли, естественного эгоизма и альтруизма. Когда все это есть, человек способен защитить свою театральную судьбу. Театральный характер может быть дан природой, но он и воспитывается в годы учебы - это очень важно в педагогике.

Для меня образец театрального характера - Ефим Копелян. Он не участвовал

ни в сваргах, ни в склоках, никому не врал, был доброжелателен, мягок и строг.

- Театральная критика что-нибудь значила для вас?

- На глазах меняется даже стиль рецензирования спектаклей. Когда-то это было неторопливое описание, анализ. Сейчас читаю уважаемого мной критика и попадаю в интеллектуально-метафорическую игру, но за этим подозрительно тонким чувством и изысканным письмом не вижу позиции, оценки. Может, оно и хорошо, но по мне все же было бы недурно сочетать эту тонкость с простотой. Я наблюдаю, как усложняется критический анализ, много подтекстов, игры слов, лексических находок, но в итоге ощущаю, что солирует критик, а не спектакль. Хотя этот процесс нервной состязательности среди пишущей братии сам по себе мне тоже интересен.

- Как вы воспринимаете критику, касающуюся вас и ваших спектаклей?

- Я вибрирую в ответ на похвалы и огорчаюсь замечаниям. Я обращаю внимание на критику - она не проходит мимо меня. Но ведь про меня, как и про мой театр, как и про мою педагогику, до сих пор ничего толком не написано. Мою деятельность в целом всегда оценивали позитивно, а художественный процесс всерьез никто не анализировал.

- А вам нужна критика?

- Меня интересовало то, что писали о театре, но не могу сказать, чтобы я нуждался в критике, - была самодостаточность. «Я знаю мощь свою - с меня довольно сего сознания». Я человек направления, человек определенной методологической концепции. Если кто-то их понимал или корректировал - я был рад. Но чего-то по-настоящему содержательного я, пожалуй, от критики не получал.

Другое дело, что нам не дано себя объективно оценить - приходится считаться с тем, как тебя видят со стороны.

- Для вас это важно?

- Небезразлично.

- На что вам жалко тратить время?

- На все, что не связано с театром. Но с ним связано все: литературные новинки, поток драматургии - огромный, несмотря ни на что, встречи, уроки, новые спектакли, выставки - все надо успеть.

Я живу аскетично. Рыбалка или спорт мне никогда не были нужны. Отдыхаю на работе. Это как в любви - ведь у нее нет выходных и отгулов.

Жизнь пестра и, в общем, хороша. Для меня она не хождение по мукам, а хождение по канату над пропастью, когда дух замирает. Так каждый день, уже пятьдесят лет. Мое начало со мной, оно никуда не исчезает. Театр - мое заблуждение, моя вера, вся моя жизнь.

